УДК 821
ББК 83.3(0)52

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.: ОТ «ДИВАНА» ГЁТЕ ДО «СОНЕТА- ГАЗЕЛИ» МИЦКЕВИЧА – ТОПЧИ-БАШИ

© 2020 г. А.Б. Куделин

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия; Московский государственный уни-
верситет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 16 марта 2020 г.
Дата публикации: 25 сентября 2020 г.*

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-68-103>

Аннотация: В статье речь идет о взаимодействии литератур Запада и Востока в XIX в., когда в европейских произведениях получили распространение ориентальные мотивы. Гёте в «Западно-восточном диване» (1819) обосновал этот интерес непреходящей значимостью шедевров Востока для Запада. Однако, с одной стороны, европейские «западно-восточные» произведения ныне не рассматриваются как точно передающие дух восточной классики, имеющей иное идейно-смысловое наполнение. С другой стороны, стало яснее, что и на Востоке эти европейские произведения не могли быть правильно поняты в XIX в., поскольку даже наиболее развитые восточные литературы сохраняли тогда в целом характерные для позднего Средневековья принципы творчества и жанровую систему. На данном историко- и теоретико-литературном фоне в статье анализируется опыт персидского перевода стихотворения Мицкевича, включенного по просьбе польского поэта в его книгу «Сонеты» (1826). Топчи-Баши адаптировал перевод для восточной аудитории. Представив свой перевод как текст средневекового жанра *тазкире*, сочетающего признаки биографических и антологических сочинений, Топчи-Баши снабдил его сведениями о Мицкевиче; форму сонета он передал персидской поэтической формой *газели*; ряд элементов романтической образной системы заменил восточными.

Ключевые слова: «западно-восточные» и «восточно-западные» тексты, «Западно-восточный диван» Гёте, «Крымские сонеты» Мицкевича, сонет, *газель*, *тазкире*, поэтические переводы и адаптации, асинхронные литературные связи.

Информация об авторе: Александр Борисович Куделин — академик РАН, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель ИМЛИ РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, 125009 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9802-5382>

E-mail: abkudelin@rambler.ru

Для цитирования: Куделин А.Б. Западно-восточные поэтические сочинения первой трети XIX в.: от «Дивана» Гёте до «сонета-газели» Мицкевича — Топчи-Баши // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 68–103.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-68-103>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

WEST-EASTERN POETIC COMPOSITIONS OF THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY: FROM GOETHE'S *DIVAN* TO THE 'SONNET/GHAZAL' BY MICKIEWICZ / TOPCZI-BASZY

© 2020. A.B. Kudelin

A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: March 16, 2020

Date of publication: September 25, 2020

Abstract: The article is concerned with reciprocity between Western and Eastern literatures of the 19th century, when Orientalist motives began to take hold in European writings. Goethe, in his “West-Östlicher Divan” (1819), attributed this interest to the everlasting excellence and value, which the Eastern masterpieces hold for the West. However, as it is clear nowadays, the ‘West-Eastern’ compositions cannot be seen as truthfully retaining the spirit of the Eastern classics, which was based on a different system of meanings and values. On the other hand, it became clear that the Eastern reception of these European works in the 19th century could not be true to the Western original, either, since even most progressive Eastern literatures of the time kept to artistic principles and system of genres of the Late Middle Ages. Against this historical and critical background, the article investigates the outcome of one venture — the emergence of a Persian translation of Adam Mickiewicz’s poem, commissioned by himself for his “Sonnets” (1826). Dzafar Topczi-Baszy adjusted the sonnet for an Eastern audience. Having presented his translation as a sample of the medieval genre of *tadhkira* (which has to contain both biographical and anthological features), Topczi-Baszy supplied the Persian version of the poem with facts about Mickiewicz; he cast the poem into a Persian poetic form — *ghazal*; he replaced the elements of Romantic imagery with the Eastern ones.

Keywords: “West-Eastern” and “East-Western” texts, “West-Östlicher Divan” by Goethe, “The Crimean Sonnets” by Mickiewicz, sonnet, *ghazal*, *tadhkira*, poetic translations and adaptations, asynchronous literary connections.

Information about the author: Alexander B. Kudelin, Academician of the RAS, DSc in Philology, Professor, Scholarly Director of the Institute, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor at the Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya 11, 125009 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9802-5382>

E-mail: abkudelin@rambler.ru

For citation: Kudelin A.B. West-Eastern Poetic Compositions of the First Third of the 19th Century: from Goethe’s *Divan* to the ‘Sonnet/Ghazal’ by Mickiewicz / Topczi-Baszy. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 3, pp. 68–103. (In Russ.)
DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-68-103>

Литературные контакты Запада и Востока, начавшись в Древности, продолжались с большей или меньшей интенсивностью в Средние века, в Новое и Новейшее время. Неизменным инструментом литературного взаимодействия на протяжении всего этого длительного времени оставался перевод. Многочисленные исследования показали, что важнейшие свойства перевода существенно разнятся в зависимости от принадлежности контактирующих литератур к одной литературной эпохе, к одному типу художественного сознания и в случае расхождения их стадияльно-типологических характеристик. В этой связи можно вспомнить, что Н.И. Конрад в свое время, например, писал о необходимости считаться с тем, «имеем ли мы дело с переводом, при котором одновременно усваивается новый творческий метод, или с переводом, сделанным в условиях однородности в этом отношении двух соприкоснувшихся литератур, или хотя бы при наличии в данной литературе приобретенного опыта в данном творческом методе» [13, с. 348].

Западно-восточное взаимодействие представляет несомненный исследовательский интерес равным образом как при типологической «однородности» контактировавших литератур (например, в Древности и в Средние века)¹, так и при стадияльно-типологических расхождениях между литературами Востока и Запада, обусловленных неравномерностью мирового литературного развития (в Новое и Новейшее время). В нашей статье речь пойдет о западно-восточном взаимодействии в условиях типологической «неоднородности» литератур в первой половине XIX в.

¹ Не претендуя на сколько-нибудь полное описание обширной литературы по данному вопросу, укажем здесь лишь два труда, оставившие, на наш взгляд, заметный след в отечественном литературоведении и во многом не устаревшие до настоящего времени [33; 34].

I

Тема литературных связей Востока и Запада издавна отмечена повышенным вниманием мировой компаративистики. Отдавая приоритет в своих научных поисках при решении поставленных конкретных вопросов то вектору Восток → Запад, то вектору Запад → Восток, компаративисты не сразу осознали, что в отношениях Восток ↔ Запад важны оба вектора и что только при равном исследовательском интересе к обоим векторам, т. е. при интерпретации связей как взаимодействия литератур Востока и Запада, возможно получить адекватное представление о мировом литературном процессе в ту или иную эпоху.

Н.И. Конрад, отметив тот факт, что литературоведы стран Востока превосходно понимают значение проникновения в их страны в XVII–XIX вв. литератур стран Запада, настаивал: «Связи были обоюдными, а в работах западных литературоведов этот факт не учтен в надлежащей мере при анализе процесса развития литератур в указанные века. “Западно-восточный диван” Гёте известен и изучен, но оценен ли в достаточной мере самый факт обращения немецкого поэта к Востоку не только в очень серьезный момент его собственной творческой биографии, но и в крайне важный момент всей истории новой европейской литературы?» [14, с. 301–302].

Отсылка Н.И. Конрада к И.В. Гёте (1749–1832) и его «Западно-восточному дивану» («West-Östlicher Divan») (1819) весьма знаменательна. Немецкий поэт с начала XIX в. стремился на примере своего творчества показать значимость литературного наследия Востока для Запада. В мае 1815 г. он писал одному из своих корреспондентов: «Я давно уже занимался в тиши *восточной литературой* и, чтобы глубже познакомиться с нею, сочинил многое в духе Востока» (цит. по: [26, с. 713]). Обращение Гёте к Востоку не было неожиданным, поскольку основания для этого были заложены и в практическом, и в теоретико-философском плане намного раньше его времени. И здесь прежде всего следует напомнить о выдающейся роли И.Г. Гердера (1744–1803), в трудах которого дается философское осмысление непреходящей идейно-эстетической ценности культуры Востока, разрабатываются положения о единстве мировой культуры, о литературной автономии и равенстве, самостоятельности развития литератур при их взаимодействии и др., предвосхищающие представления Гёте о мировой литературе. Известно также, что интерес к Востоку, к восточной (прежде всего

арабской и персидской) литературе проявился у Гёте задолго до выхода в свет «Дивана» и подогревался общей *филоориенталистической* атмосферой его времени. К ориентализму Гёте склоняли авторитетные предшественники. Среди многих имен одним из первых в этой связи необходимо назвать востоковеда Й. фон Хаммера (1774–1856). Его полный перевод дивана Хафиза (1813), «История изящных риторических искусств Персии» («Geschichte der schönen Redekünste Persiens») (1818) и прочие труды по истории и литературе Востока оказали в этот период воздействие на автора «Дивана»².

Зададимся вопросом: каковы, вообще, были возможные пределы взаимного перевода, а точнее говоря, взаимодействия литературных традиций Запада и Востока в эпоху Гёте? В свое время И.С. Брагинский выдвинул положение, согласно которому «Публикация в 1819 г. “Западно-восточного Дивана” И.В. Гёте свидетельствовала о формировании в новое время интереснейшего в мировой культуре явления — западно-восточного литературного синтеза» [4, с. 572]. В рамках такого понимания и в самом строгом смысле слова «синтез» Гёте, согласно ученому, выступает в «Диване» «уже не сторонним наблюдателем, а творческим продолжателем высших достижений восточной, и прежде всего фарсиязычной, поэтики» [4, с. 572]. С этим мнением во многом солидарен превосходный знаток творчества Гёте и один из издателей русского перевода «Дивана» (совместно с И.С. Брагинским) А.В. Михайлов: «Очень правильно говорить о “синтезе” западного и восточного начал в гётевском “Диване” (И.С. Брагинский), о неповторимом соположении немецкой и персидской поэзии и взаимопроникновении, слиянии их принципов» [24, с. 85]³.

Попытаемся выяснить, насколько положение о «западно-восточном литературном синтезе» в указанном выше толковании соответствует имеющимся в нашем распоряжении фактам. Рассмотрение этого вопроса мы можем начать с высказывания Гёте, который, по его собственным словам, сочинял «в духе Востока» с намерением «соединить Запад и Восток, прошлое

2 Статью и заметки Гёте о Й. Хаммере, а также содержательный комментарий А.В. Михайлова см.: [8, с. 321–324; 7, с. 462–464; 26, с. 804–805, 851 и др.].

3 Эта мысль с разными оттенками неоднократно повторяется в данной работе [24, с. 116, 118 и др.]; в содержательной статье в русском издании «Дивана» А.В. Михайлов говорит, что: «Гётевский “Восток” — это “эксперимент”», «аналитическими приемами достигнутый творческий синтез» [25, с. 613].

и настоящее <...>, чтобы нравы и способы мыслить проникали друг друга», т. е. практически осуществлял «выравнивание» «отличительных признаков одной нации <...> через посредство ознакомления их с другими народами» (цит. по: [26, с. 713]). Приведем здесь же и внешнюю оценку усилий немецкого поэта в данном направлении, принадлежащую превосходному востоковеду и помощнику Гёте в работе над «Диваном» И.Г.Л. Козегартену (1792–1860): «“Диван” содержит в первой своей части, по преимуществу относящейся к мусульманскому Востоку, западно-восточные поэтические создания, т. е. отчасти излагающие восточный материал в западных формах, отчасти же западный материал в формах восточной поэзии». И далее рецензент уточняет: «Прежде всего поэт, естественно, мог и хотел передать мир Востока через содержание и дух своих творений; в некоторых же случаях он указывает на этот мир и внешней формой, как, например, единой рифмой, господствующей в стихотворении от начала и до конца... далее, рифмой, образуемой одним и тем же словом» [11, с. 502].

Перейдем к анализу материала. Благодаря трудам востоковедов его времени, упомянутым выше, в сфере внимания Гёте оказались арабские авторы (в алфавитном порядке) ‘Амр ибн Кулсум (VI в.), ‘Антара (вт. пол. VI в.), ал-А’ша (ум. ок. 629), Джамил (ум. ок. 701), Зухайр ибн Аби Сулма (VI в.), Имру’улкайс (VI в.), Лабид (ум. 661), легендарный древний мудрец Лукман, Маджнун (Кайс ибн ал-Мулаввах) (VII в.), ал-Мутанабби (915–965), Та’аббата Шарран (VII в.?), Тарафа (VI в.), ал-Харис ибн Хиллиза (VI в.), Хатим ат-Та’и (вт. пол. VI в.), а также «семь основных», по характеристике И.Г.Л. Козегартена, фарсиязычных поэтов: Фирдоуси (ок. 940 — ок. 1020), Анвари (ум. ок. 1190), Низами (ок. 1140–1209), Руми (1207–1273), Са’ди (Саади) (ок. 1213–1219 — 1292), Хафиз (ок. 1317–1326 — 1389–1390), Джами (1414–1492), к которым необходимо добавить также Унсури (ум. 1039) и Хакани (ок. 1106–1199).

Из данного списка явствует, что от самого раннего из упомянутых авторов создателя «Западно-восточного дивана» отделяли более 1200, а от самого позднего — более 300 лет. Заметим здесь же, что и другие европейские поэты и писатели той филоориенталистической поры обращались к восточным авторам, отстоявшим от них на не менее солидную временную дистанцию. Востоковед В. Фрейтаг (1788–1861) перевел на латинский язык знаменитую касиду (поэму) Та’аббата Шаррана, которую затем на немец-

кий перевел Гёте; поэт Ф. Рюккерт (1788–1866) издал в переводе на немецкий макамы («плутовские» новеллы) ал-Харири (1054–1122). А. Ламартин (1790–1869) в своем «Путешествии на Восток» («Voyage en Orient») (1835) с восторгом отзывается о средневековом народном романе «Жизнеописание 'Антар»», посвященном доисламскому поэту. И позднее И. Тэн (1828–1893) в «Философии искусства» («Philosophie de l'art») (1865–1869) восхищается этим же героем [18, с. 51, 59, 60–61].

Можно констатировать, что европейские писатели вплоть до середины XIX в., ища вдохновения на Востоке, обращались прежде всего (и практически исключительно) к литературным шедеврам восточного Средневековья. Широкое распространение ориентальных мотивов в их художественном творчестве было во многом обязано, в частности, сформировавшемуся в тот период в европейских странах романтизму⁴.

В этой связи встает вопрос: адекватно ли понимались европейцами в начале XIX в. классические литературные произведения Востока, возможно ли было в ту пору верное изложение европейскими авторами «восточного материала в западных формах»? Чрезмерная взыскательность по отношению к европейским ориенталистическим произведениям в данном случае едва ли уместна, нам хотелось бы лишь попытаться обозначить рамки для возможно более объективного их рассмотрения как элемента взаимодействия литератур Востока и Запада. С.С. Аверинцев дал, как нам представляется, хороший импульс для продолжения поисков в этом направлении. Вслед за немецким поэтом исследователь определил два полюса, в сфере воздействия силовых линий которых находится концептуальная основа гётевского понимания «мировой литературы»: при высшем возможном для его эпохи уровне чуткости к разнообразию цивилизаций немецкий поэт одновременно сохраняет непосредственное ощущение нерелятивизируемого единства человечества [1, с. 271, 275 и др.].

Конечно же, отношение к Востоку у Гёте во многом обуславливалось уровнем востоковедческих штудий его времени. Автор «Дивана» обязан востоковедному литературоведению своего времени не только значительными достоинствами, но и определенной, исторически обусловленной ограниченностью своего сочинения. О достоинствах хорошо известно. Главное

4 Данное положение является «общим местом» в исследованиях, посвященных европейским литературам этого периода (например, см.: [4; 25; 35]).

же объяснение ограниченности очевидно: стадийно-типологическое расхождение (и даже несовместимость) средневековой литературы Востока и европейской литературы начала XIX в., не вполне осознававшееся провозвестниками европейского ориентализма. Арабские и персидские образцы, с которыми имел дело Гёте, создавались в лоне иного типа художественного сознания, подчинялись иным поэтологическим требованиям, следовали иным философским системам и, как следствие, имели зачастую иную идейно-смысловую интерпретацию, чем та, которую им предлагал, опираясь на современные ему востоковедные труды, автор «Дивана». Сказанное, конечно же, никоим образом не принижает значение гётевских шедевров из «Западно-восточного дивана», а только заставляет лишний раз подумать о том, что их «восточность» имеет вполне определенную «европейскость». Это европейские произведения, в отношении которых во многих случаях было бы вернее говорить не о синтезе литературных традиций Востока и Запада, а об ориентальных элементах, играющих по большей части роль восточного флера.

Рассмотрим стихотворение «Самое сокровенное» («Geheimstes») из «Эшк-наме» («Книги любви») «Дивана». Оно завершается четверостишием:

Darum war's der höchste Jammer
Als einst Medschnun sterbend wollte
Daß vor Leila seinen Namen
Man forthin nicht nennen sollte [41, S. 62].

Был предсмертный крик Меджнуна
Криком боли нестерпимой:
«Вы моё забудьте имя
Пред Лейли, моей любимой» (перевод В.В. Левика) [6, с. 36].

В нашей статье мы не будем повторять исследователей, давших пресходные интерпретации одного «из наиболее зашифрованных стихотворений» «Западно-восточного дивана»⁵, а обратим внимание лишь на одну деталь в приведенном четверостишии, выявляющую тем не менее суще-

5 Содержательный комментарий к стихотворению см. в [26, с. 737–739].

ственное расхождение в понимании восточной любви немецким поэтом и таким образцовым для Гёте фарсиязычным поэтом, как Низами. В поэме Низами Маджнун совершает прямо противоположное тому, что следовало бы делать, согласно логике «европейского» Маджнуна из «Западно-восточного дивана»; он оставляет свое имя и стирает имя Лайли на листке со стихами об их любви:

Очевидцы спросили: «Что это значит,
Что из двух начертаний [лишь] одно к месту?»

Он сказал: «Пусть лучше исчезнет одна надпись,
Ведь для нас двоих довольно и одной надписи.

Если всмотреться во влюбленного,
Из него проступит возлюбленная».

Спросили: «Почему внутри
Скрыта она, а виден ты?»

Он сказал: «Для меня негоже,
Чтобы потерявший сердце был орехом, а она — скорлупой,

Лучше, чтобы я был завесой для подруги,
Или был скорлупой ореха»

(пер. Н.Ю. Чалисовой, М.А. Русанова) [28, с. 412].

Маджнун у Низами совершает действие, объяснимое в рамках суфийской интерпретации кодекса *‘узритской* любви⁶. Очевидно, что Гёте не был известен этот эпизод из поэмы Низами, но реконструкция немецкого поэта («Вы моё забудьте имя // Пред Лейли, моей любимой») основывается на европейском представлении о восточной любви: трудно представить, что фарсиязычный Маджнун, стирающий имя возлюбленной и тем самым как бы эгоистически превозносящий себя в ущерб возлюбленной Лайли

6 О кодексе *‘узритской* (возвышенной) любви см. в [19, с. 79–84].

(так, скорее всего, интерпретировалось бы его поведение в обыденном европейском сознании), мог бы органично войти в лирический сюжет «Самого сокровенного». Он увел бы в сторону «экзотических» философских построений и далеко от цели, поставленной Гёте⁷.

Более того, немецкий поэт, объясняя ключевой момент «Самого сокровенного», только углубляет различия между положениями кодекса, которыми руководствовался Маджнун Низами, и западноевропейскими представлениями о них: «На Востоке, где я сейчас по обыкновению нахожусь, за величайшее счастье почитается, если имя смиренного раба хотя бы упомянут перед лицом госпожи и она это терпит. Сколько бы раз пал на колени тот, кого упомянула бы она сама!» (цит. по: [26, с. 738]).

Влюбленные, согласно кодексу *'узритской* любви, должны сохранять в тайне имя своих избранников. В противном случае они немедленно лишаются возможности встречаться. Так, например, и произошло в истории Маджнуна и Лайли: из-за сильной страсти влюбленные не могут скрывать своих чувств друг к другу, и их разлучают; Лайли насильно выдают замуж за другого; все заканчивается гибелью влюбленных [17, с. 588–632].

В суфийской интерпретации эта история и вовсе приобретает мистический оттенок. Обратимся, например, к поэме Джамии (1414–1492) «Лайли и Маджнун» (1484), для которой, согласно оценке Е.Э. Бертельса, характерно «стремление использовать все предание в духе суфийской аллегории». Приведем в изложении ученого эпизод из поэмы, передающий отличительные особенности подобного толкования известной истории:

Однажды Маджнун встречает Лайли на дороге и падает без чувств. Она кладет его голову себе на колени и приводит его в сознание. Прощаясь с ним, она обещает, что на обратном пути поедет той же дорогой. Когда много времени спустя она снова попадает на место их встречи, оказывается, что Маджнун с тех пор стоит там настолько неподвижно, что птица свила себе гнездо у него на голове. Лайли заговаривает с ним, но он не узнает ее. Когда ей наконец удастся втолковать ему, кто она, Маджнун гонит ее от себя, ибо любовь так его поглотила, что внешний облик (сурат) возлюбленной ему более не нужен [3, с. 285, 284].

7 Интерпретацию этого эпизода у Низами см. в [38, с. 190–191].

Едва ли необходимо говорить, что суфийская трактовка (будь она известна в начале XIX в.) не могла бы устроить Гёте и западного читателя в «ориенталистическую» эпоху. Гётевское восприятие восточной традиции, несомненно, во многом основывалось на сведениях, почерпнутых из трудов современного ему европейского востоковедения. Средневековые арабские и иранские интерпретации истории Маджнуна и его возлюбленной в рассмотренных примерах очевидным образом расходятся во многих отношениях с представлением о них у немецкого поэта. Подчеркнем, что в данном случае речь идет, в частности, об интерпретации известной истории в поэмах двух из семи «наипервейших» (определение Гёте), крупнейших фарси-язычных поэтов — Низами и Джами⁸.

Однако восточная традиция, к которой обращался немецкий поэт, на самом деле была еще богаче и разностороннее. Куда больше противоречит ориентализму отмеченные в свое время И.Ю. Крачковским средневековые сообщения, согласно которым «фигура Маджнуна предстает совсем не в том виде, как была канонизирована впоследствии», а «отдельные моменты идут вразрез с представлением о платоническом характере его любви» (сатира Маджнуна на жениха Лайлы [в арабском варианте ее имя произносится «Лайла»], его стихи, обращенные к мужу Лайлы «с определенным цинизмом», и т. д.) [17, с. 615; 20, с. 299, 300 и др.]. Интересна и версия истории этой любви, которая была не знакома востоковедам в начале XIX в., и также вовсе не в духе «ориенталистических» сочинений. Средневековые источники арабского предания о любви Маджнуна и Лайлы, к которому восходят ранние персидские поэмы, содержат, как обнаружил И.Ю. Крачковский, примечательное противоречие между «узритской» историей любви Маджнуна и Лайлы и народным о ней представлением. В труде известного ученого Ибн Кутайбы (ум. 889) говорится, что «у Маджнуна имеется потомство в Неджде», ал-'Аскари (X в.) и ал-Валиби (XI–XII вв.) приводят стих, также снижающий высокий пафос арабской легенды о безвременно погибших от несчастной любви Маджнуне и Лайле: «Выросли дети у Лайлы и выросли дети ее сына, а привязанность к Лайле в моем сердце все такова же» [17, с. 615].

Вместе с тем необходимо сказать, что Гёте стремился как можно точнее передать «дух Востока». И все же понимание этого духа, как мы видели,

8 Оба поэта неоднократно упоминаются в «Западно-восточном диване» и различных материалах Гёте: Низами [8, с. 182 и др.]; Джами [8, с. 189 и др.].

могло быть далеким от «подлинного» Востока, часто не было адекватным. Это и не удивительно. Невозможно говорить о верном воспроизведении восточного духа, о прямом контакте европейской литературы начала XIX в. с литературой Востока, поскольку среди восточных авторов, упоминаемых Гёте, нет ни одного, кто отстоял бы от него менее чем на 300 лет. Гёте и его современники переводили на европейские языки средневековых авторов, однако адекватного воспроизведения средневекового типа художественного сознания в европейских произведениях даже таких выдающихся поэтов, как Гёте, не происходило. И это при том, что представления о принципах перевода, заявленные немецким поэтом, были близки современным.

Мысли и замечания о переводе содержатся в разных разделах «Дивана» и некоторых документах Гёте. Немецкий поэт говорит о трех видах переводов, из которых ему ближе всего третий, в котором «стремятся к тому, чтобы перевод был тождествен подлиннику и принимался не как замена оригинала, но значился подлинником же»⁹.

Важно отметить, что Гёте не рассуждает о переводах с немецкого, и вообще европейских языков, на восточные языки. Рассмотрим в этом отношении «Диван». Известно, что в данном труде имеются тексты в арабской графике, однако в «Диване» содержится лишь одно небольшое произведение на двух языках в переводе с немецкого языка на восточный: гётевское стихотворение с посвящением труда Сильвестру де Саси в прозаическом переводе на арабский [41, S. 555; 6, с. 448, 810 (прим.)]. Свои рассуждения о принципах перевода Гёте не распространял на переводы европейской поэзии на восточные языки. Литературная практика первой половины XIX в. не требовала подобной теоретической проработки. Связи Запада с Востоком рассматривались Гёте и другими поборниками ориентализма как одностороннее восприятие европейскими литературами опыта классической восточной поэзии; к тому же и переводов значительных поэтических произведений XVIII–XIX вв. с европейских языков на языки Ближнего и Среднего Востока как таковых практически не было. В свою очередь восточные писатели, обладавшие несомненным литературным вкусом и даром, жившие на Востоке или же оказав-

9 К третьему типу Гёте относит, например, высоко оцениваемые им переводы Й. Хаммера и И.Г.Л. Козегартена. На этом фоне Гёте критикует переводы востоковеда С.Ф.Г. Валя (1760–1834), который так перерабатывает Фирдоуси, что «отрывается от Востока, но не делается ближе Западу» (о взглядах Гёте на принципы перевода см.: [8, с. 324–325, 326, 327, 328–329; 7, с. 465; 26, с. 805–806, 807, 855]).

шиеся на Западе, уделяли мало — либо вовсе не уделяли — внимания поэзии даже выдающихся европейских авторов XIX в.

На этом скудном фоне выделяется редкий, если не уникальный, а потому особенно значительный, для первой половины XIX в. опыт перевода на восточный язык примечательного европейского поэтического произведения. Выдающийся польский поэт Адам Мицкевич включил в издание своих «Сонетов» (1826) одно из стихотворений раздела «Крымские сонеты» в переводе на персидский язык (фарси).

2

История создания «Сонетов» и место этой книги в творчестве Мицкевича хорошо изучены [9; 22; 21; 42; 43], что избавляет нас от необходимости подробно говорить об этом произведении. Заметим лишь, что интерес поэта к Востоку, яркая восточная образность, ориентальная окрасенность, в полной мере проявившиеся в «Крымских сонетах», объясняются общей филоориенталистической атмосферой его времени. «Отблеск восточных цветов есть колорит поэзии века», — вполне резонно пишет первый переводчик сонетов Мицкевича на русский П.А. Вяземский [5, с. 200]. Н.В. Измайлов справедливо указывает и на интерес поэта к культуре и литературе Востока; использование им при создании «Крымских сонетов» «Западно-восточного дивана» Гёте; полезного в плане информации по истории Крыма труда И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (СПб., 1823); сочинений уже упоминавшихся известных европейских ориенталистов первой четверти XIX в. Й. Хаммера, С. де Саси [9, с. 153]. Особое место в творчестве Мицкевича сыграло его знакомство с видным востоковедом и писателем О.И. Сенковским, благодаря которому поэт пополнял свои познания о восточной культуре и литературе, об арабской поэзии, использованные им при создании произведений в ориентальном духе, написанных в России уже после «Крымских сонетов»: «Шанфари», «Альмотенабби» и «Фарис» [9, с. 147]¹⁰.

Своим ориентализмом Мицкевич в определенной мере обязан Гёте. Воле не случайно эпитафией к «Крымским сонетам» он взял строки из «Западно-восточного дивана»:

¹⁰ *Шанфари* — аш-Шанфара, арабский поэт (VI в.); *Альмотенабби* — ал-Мутанабби, выдающийся арабский поэт (915–965); *фарис* (араб.) — рыцарь, герой.

Wer den Dichter will verstehen

Muss in Dichters Lande gehen [41, S. 241, 498].

Хочешь ли понять поэта,

Так иди в его край света

(пер. А.В. Михайлова) [6, с. 138]¹¹.

Как мы помним, в «Диване» приводятся тексты на арабском и персидском языках. Можно высказать предположение, что Мицкевич и в этом отношении желал последовать за немецким поэтом. Во всяком случае по его замыслу один из крымских сонетов был переведен на персидский и, отпечатанный в восточной графике, должен был прилагаться к книге «Сонетов». О самом замысле и его дальнейшей судьбе пишет Н.В. Измайлов: «Не довольствуясь... ориентальной стилизацией самих сонетов, Мицкевич добавил (вернее, хотел добавить) к ним еще одну деталь, сугубо подчеркивающую их связь с поэзией и культурой Востока. Издавая в Москве сборник сонетов, он хотел приложить к нему перевод на персидский язык одного из них, именно — V, “Вид гор из степей Козловских”, выполненный литографским способом на двух страницах, вместе с предисловием переводчика, также на персидском языке. Литографии, выполнявшиеся в Петербурге, по техническим причинам не успели к сроку; издание вышло без них, и они рассылались потом дополнительно» [9, с. 157; см. также: 21, с. 303].

Перевод сонета был осуществлен в два этапа: 1) польский оригинал был переведен персидской подстрочной прозой; 2) на основе персидского подстрочника поэтом-переводчиком были написаны персидские стихи с предваряющей их прозаической частью, также на персидском.

Стихотворный перевод был выполнен Мирзой-Джафаром Топчи-Баши (Топчибашевым или Тобчибашевым), персом, преподававшим в звании адъюнкт-профессора (позднее ординарного профессора) в 1819–1849 гг. персидский язык и словесность в Петербургском университете. Подстрочный перевод с польского на персидский сделал А. Ходзко. Заметим, что оба этапа осуществлялись при тесном взаимодействии людей, хорошо знавших

¹¹ В прозаическом переводе: «Кто хочет поэта постичь, // должен отправиться в страну поэта» [21, с. 303].

друг друга: Топчи-Баши был помощником и другом О.И. Сенковского, с 1822 г. занимавшего в Петербургском университете кафедру арабской и турецкой словесности; А. Ходзко был и учеником Топчи-Баши, и другом Мицкевича [9, с. 157–158; 21, с. 303].

Судьба персидского перевода крымского сонета Мицкевича была поистине удивительной. Кому мог предназначаться текст на восточном языке в невнятной к тому же для подавляющего большинства европейцев графике? Сколько-нибудь значительной восточной (фарсиязычной) аудитории, способной оценить персидский перевод стихотворения Мицкевича в Европе не было, за пределы Европы он тогда не вышел, во всяком случае мы не имеем в нашем распоряжении на этот счет никаких свидетельств. Остается лишь предположить, что замысел Мицкевича был рассчитан на отклик лиц, уже знавших о факте публикации восточных текстов в «Западно-восточном диване» Гёте и способных по достоинству оценивать ориенталистические увлечения.

И действительно, европейская публика внимательно и даже придиристо прочла этот текст — естественно, в подавляющем большинстве своем в обратном переводе на польский и русский — и была несказанно удивлена. Восточный, персидский текст имел, как нам вскоре станет ясно, очень мало общего с Востоком в представлении европейского ориентализма — читательски-любительского и востоковедчески-профессионального. Оценить его корректно оказались не способны ни литературные критики, ни востоковеды — ни сразу по выходе его в свет, ни по прошествии достаточно большого времени.

Обратимся теперь непосредственно к переводу. Персидский текст Топчи-Баши состоит из двух частей — прозаической и поэтической. Части неразрывно и органично связаны в единое целое, что не было понято европейцами. Прозаическую часть российские и польские современники Мицкевича и Топчи-Баши упорно именовали «предисловием переводчика». Именно в таком качестве предлагает взглянуть на этот текст П.А. Вяземский: «Один из сих сонетов... был в Петербурге переведен на персидский язык с предисловием переводчика и литографирован. Нам доставили буквальное предложение сего любопытного образца красноречия восточного: поделимся удовольствием нашим с читателями и выпишем из него, что показалось нам замечательно» [5, с. 219].

Последуем за читателями «Московского телеграфа» и познакомимся поближе с этим текстом. Начало текста Топчи-Баши, отсутствующее в публикации П.А. Вяземского, приведем в переводе Н.В. Измайлова.

Во имя его святое.

Поводом к обращению этих неприкрашенных речей является лишь желание приобрести сердца друзей, но не пустая слава; сочиняя же это писание, полное погрешностей, не имел я целью заблестеть в кругу поэтов, но лишь хотел снискать расположение тех лиц, с которыми дружба соединяет меня узами. Да и не надеялся я, бедный, незначительный слуга, чтобы когда-нибудь язык пера моего мог изящно и остроумно ответить на порицательные речи, никогда я не думал, чтобы мой ум мог когда-нибудь изнуряться над обдумыванием стихов, сочинением иносказаний и составлением плавных оборотов речи [9, с. 159].

Далее — текст по публикации П.А. Вяземского:

Во дни счастья моего случилось мне иметь удовольствие быть в доме науки, в гнезде письмен, ученого из ученых, витии из витий, сведущего в языках Востока и единственного друга моего, г-на Сенковского, поляка: там осчастливлен я был встречей и полезною беседою, и вскоре потом связал узел знакомства с молодым человеком, совершенным, красноречивым, мудрым, ученым, дружелюбным, хочу сказать с г-м Мицкевичем, поляком, который в изяществе поэзии своего века достиг до высшей ступени лестницы совершенства и отличается среди ученых своего отечества, и коего перлы рифм прекрасного блеска высоко ценятся знатоками польского языка. С той поры каждое мгновение присутствия его приносило мне радость и счастье. Но вскоре после, намерение посетить страны чужие созрело в нем: и проливая мне в сладость пребывания с ним отраву прощаний, он поднял крылья полета своего из столицы С.-Петербурга к землям Крыма.

Полно скорбеть об отъезде этом,

Не здесь место повествовать о нем.

Пробегая Крым, он остановил шаги и взоры свои перед великою горю: при взгляде на сию гору море воображения его взъерошилось огромными валами, и он нанизал на нить описания каждый серебристый перл, бро-

шенный на берег рифмы. Он желал, чтобы творение его было переведено на язык персидский: по причине старинной приязни, в которой он жил с бедным (со мною), он благоволил приказать ему перевести оное стихами. Чувствуя в себе недостаток дарования сего бедного, бедного Мирзы-Джафара, Бен-Алима Дан-Бега, уроженца Тусского, сына Топчи-Баши, он извинялся. Но после, рассудив, во-первых, что должно задобрить к себе сердце друзей, а во-вторых, что доселе никто еще не переводил европейских стихотворений на персидский язык, он покорился сим двум побуждениям, и они ухватились за ворот его воли так, что по возможности он пропустил это творение на нить рифмы и изъяснения.

Пространно расплодился я в речи своей, но надеюсь, что закинут полу забвения на то, что было [5, с. 219–221].

Мы отдали предпочтение переводу в публикации П.А. Вяземского, поскольку он, тщательный и точный, как и в целом его переводы «Крымских сонетов», обладает, помимо всего прочего, тем несомненным достоинством, что именно по нему судили о прозаической части персидского перевода современники Мицкевича и Топчи-Баши. К сожалению, мы не располагаем подобным русским переводом второй, поэтической, части. Поэтому для дальнейшей работы мы воспользуемся современным русским ее переводом, осуществленным непосредственно с персидского текста перевода Топчи-Баши¹². Для выяснения особенностей персидского перевода нам потребуется провести его сопоставление с сонетом Мицкевича в русском прозаическом переводе П.А. Вяземского [5, с. 208–209]. Нумерация строк в переводах добавлена нами; знак (//) отмечает цезуру между полустихиями в строках-бейтах персидского оригинала.

Вид гор из степей Козловских. Пилигрим и Мирза	Перевод Топчи-Баши
Пилигрим	
1. Там? Не Алла ли поднял оледенелое море?	1. Я увидел высокую гору посреди степи // Глава ее была покрыта льдом и снегом и вокруг был мороз.

¹² Перевод прозаической и поэтической частей с персидского, выполненный А.А. Яске-ляйн, опубликован в [21, 304–305].

2. Не ангелам ли отлил он престол из замерзших облаков?	2. Содрогнулся я, увидев ледяную гору, // Удивился, ахнул: «Не сон ли это?»
3. Не Дивы ли вознесли оные стены из обломков вселенны,	3. Не море ли это простерлось из ледяного источника // Совершенным искусством всемогущества божьего?
4. чтобы заградить каравану звезд дорогу с востока?	4. Или это лазурный престол // Для нисхождения ангелов неба с его голубых облаков?
5. Какое зарево на вершине! Будто пожар Царь-града!	5. Нет, это не гора видна, // А стена протянута Александром, чтобы заградить проход войску Йаджуджа ¹³ .
6. Не Алла ли, когда ночь раскинула темный покров,	6. На вершине ослепительный свет. Подобно молнии в туче, // Блеск его лучей каждый миг высоко в небесах.
7. засветил для миров, плавающих по морю природы,	7. Ты сказал бы, что с вершины, пронзившей небо, // Непрестанно видно пламя пожара городских стен Цареграда.
8. те светильники среди небесного круга?	8. Может быть, когда бог устраивал пир ночной темноты, // Это был светильник, подвешенный к небесному своду.
Мирза	О крымском мирзе
9. Там? Я туда доходил; там зима обитает:	9. «Мой спутник и проводник из крымских князей // Был благородный эмирзаде и любезный юноша.
10. я видел, как клювы потоков и зевы рек пьют из ее гнезда:	10. О величии этой горы и об ее природе // Рассказал, как о лазурной небесной обители.
11.дохнул я, с уст моих летел снег; прокладывал следы там,	11. Он сказал: «Однажды я там был. // Не было видно ни облаков, ни лица земли.
12. где орлы дороги не ведают, где конец странствию облаков;	12. Со всех сторон потоки, волны их одна за другой, как горные цепи, // Текли, как живой дух по ожившей степи.
13. я прошел мимо грома, дремлющего в колыбели из туч,	13. Я видел там пристанище хищной птицы, // Обитель снега и льда, и пристанище мороза

13 ...А стена протянута Александром, чтобы заградить проход войску Йаджуджа... — аллюзия на кораническую историю: Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) заградил проход между двумя горами построенной им стеной, чтобы уберечь людей от Йаджуджа и Маджуджа (библейские Гог и Магог), враждебных существ, живущих на крайнем востоке земли [30, с. 119].

14. там, где над чалмою моею была только звезда.	14. Когда ядохнул, снег осыпался с уст моих // Из-за жестокой стужи, которая там была.
15(а). Это Чатырдаг!	15. Об этой высоте и величии я думал, // Что путь мой, на той вершине, скребущей небо,
Пилигрим	16. Непосилен быстроходному верблюду, // Недоступен быстролетной [птице] Онка ¹⁴ .
15(б). Ага!	17. Прешел я мимо тучи с грозой, // Наконец, пришел туда, где были только Плеяды».

V.

WIDOK GÓR ZE STEPÓW KOZŁOWA.

PIELGRZYM I MIRZA.

PIELGRZYM.

Tam? czy Allah postawił wpoprzek morze lodu?
Czy aniołom tron odłaz z zamrożonej chmury?
Czy Diwy z ćwierci ładu dźwignęły te mury,
Aby gwiazd karawanę nie puszczać ze wschodu?

Na szczycie jaka luna! pożar Carogrodu!
Czy Allah, gdy noc chylał rozciągnęła bury,
Dla światów żeglujących po morzu natury,
Tę latarnię zawiesił wśród niebios obwodu?

MIRZA

Tam? — Byłem; zima siedzi, tam dzioby potoków
I gardła rzek widziałem pijące z jej gniazda.
Tchnąłem, z ust mych śnieg leciał, pomykałem kroków
Gdzie orły dróg nie wiedzą, kończy się chmur jazda,
Minąłem grom, drzemiący w kolebce z obłoków,
Aż tam gdzie nad mój turban była tylko gwiazda.
To Czatyrdah!

PIELGRZYM

Aa!!

Адам Мицкевич. Крымский сонет № 5 по изданию: Москва, 1826 г.

Adam Mickiewicz. Crimean sonnet no. 5 from the 1826 Moscow edition

Теперь можно приступить к анализу обеих частей текста перевода Топчи-Баши — прозаической и поэтической. Первая из них вызывала, пожалуй, наибольшее недоумение читателей: оценки колебались от легкой иронии П.А. Вяземского — «любопытный образец красноречия восточ-

14 Онка — '*анка*' — «в мусульманской мифологии род птиц, созданных Аллахом поначалу совершенными, но затем ставшими бедствием для людей» [29, с. 83].

ного» — до саркастических высказываний. Большинству европейцев она представлялась ненужной данью восточному славословию, не имеющей прямого отношения к сонету. Вместе с тем прозаическая часть, думается нам, составляет неразрывное целое с поэтической. Топчи-Баши прекрасно осознавал трудность своей задачи: «<...>доселе никто еще не переводил европейских стихотворений на персидский язык». Для ее решения он по собственному разумению представил европейское поэтическое произведение — не европейцам, а восточным, персоязычным читателям! — в привычном для последних описании автора и его поэтического произведения в соответствии с традициями, разработанными на протяжении нескольких веков в сочинениях жанра *тазкире*¹⁵.

Труды *тазкире* сочетали принципы биографических и антологических сочинений, в них включались поэтические произведения, предварявшиеся справками составителей об авторах. *Тазкире*, представлявшие собой «рудименты литературной истории», «опыты из истории литературы», имели широкое распространение в персо- и тюркоязычном регионах. Многие *тазкире* критиковали за «пустое славословие... в ущерб биографическим фактам», неточность датировок, недостоверность включавшихся в них исторических, а часто и просто легендарных, сведений и другие изъяны. *Тазкире* «примитивны и неточны и все же представляют неоценимый источник сведений и фактов», — пишет Ян Рипка [10, с. 295, 115, 125, 144 и др.; см. также: 40, р. 53–54].

Жанр *тазкире* оставался продуктивным на Востоке и в конце XVIII — начале XIX вв., когда получал свое филологическое и литературное образование Топчи-Баши. Его перевод крымского сонета, снабженный в прозаической части содержательными элементами общего характера, биографическими сведениями о встречах Топчи-Баши с Мицкевичем с добавлением «отдельных образов из других сонетов» [21, с. 304], представляет собой литературный портрет, составленный в привычной для иранцев форме *тазкире*.

Формальная и содержательная адаптация сочинения Мицкевича ко вкусам персоязычной аудитории была проведена Топчи-Баши и во второй части данного прозопоэтического текста, которую составляет перевод ин-

15 С.С. Ланда, кажется, отчасти догадывается о таком назначении «предисловия»: «Предпосланное переводу предисловие по существу слилось с содержанием стихотворения» [21, с. 304].

терпретация собственно крымского сонета польского поэта. Подготовитель добротного издания сонетов Мицкевича на русском языке в следующих словах определяет сложность этой задачи: «Стихотворение, написанное в ярком ориентальном стиле, нужно было перевести на язык той культуры, которую оно представляло в польской поэзии. Но романтический Восток Мицкевича (как, впрочем, и Гёте, Байрона и Т. Мура) значительно отличался от поэзии реального Востока и в характере понимания локального колорита, и в системе отбора образных элементов стиха, и в самой структуре художественного мироощущения» [21, с. 303]. Это верное суждение необходимо дополнить. Сложность задачи состояла еще и в том, что европейская культура также «не располагала в ту пору возможностями для освоения литературных завоеваний» классического восточного литературного наследия в полной мере. Вследствие этого европейцы не могли, в частности, понять назначение «предисловия» и в целом адекватно оценить смысл, масштаб и результаты усилий Топчи-Баши по переводу крымского сонета Мицкевича.

В свое время превосходный знаток языков и литературы Востока О.И. Сенковский, консультировавший Мицкевича и состоявший в тесных деловых отношениях с Топчи-Баши, писал о стихах последнего в связи с их критикой в русской печати: читатели «не посвящены в тайны поэтической фразеологии персиян и турков» и не могут оценить «особенных красот» стихотворений, «с этой фразеологией надобно свыкнуться долгим общением, чтобы постигнуть всю ее силу и изящность, — так она несходна с тем, что мы, западные, называем поэтическими формами»; русский стихотворный перевод «не дает даже понятия о содержании подлинника»¹⁶. Нечто подобное произошло и с переводом крымского сонета на персидский язык: отечественное литературоведение оказалось неспособным в полной мере оценить этот перевод по строгим научным критериям.

С.С. Ланда говорит о двояком характере трудностей, с которыми столкнулся Топчи-Баши при переводе сонета Мицкевича: объективны-

16 Речь шла о стихах Топчи-Баши 1834 г. на персидском и турецком языках, опубликованных по случаю открытия Александровской колонны. Русские переводы этих стихов, выполненные студентами Топчи-Баши, были подвергнуты критике В.Г. Белинским в 1835 г.: «О стихотворениях почтенного мирзы Джафара мы ничего не можем сказать, во-первых, потому, что они не принадлежат к русской литературе, во-вторых, потому, что они недоступны для нас, как писанные на восточных языках; впрочем, мы уверены, что они несравненно лучше своих переводов» [2, с. 257–258].

ми и субъективными. 1. «Персидская поэзия, полностью опиравшаяся на классическое наследие, еще не располагала в ту пору возможностями для освоения литературных завоеваний современной европейской культуры»; 2. «<...>Топчи-Баши... менее всего был способен к смелым творческим решениям, которые неизбежно возникали при первой попытке перевода стихотворения европейского поэта на персидский язык» [21, с. 303].

В результате романтическое стихотворение Мицкевича было подвергнуто, как пишет С.С. Ланда, «характерной деформации»: снято «столь важное для романтической поэтики представление о восточной экзотике как определенном мировоззренческом стиле»; «“пилигрим”, ставший синонимом скитальца в европейской поэзии, не мог найти себе аналога в восточном дервише... вместо него появился реальный польский поэт, путешествующий по Крыму»; «будничную метаморфозу претерпел загадочный “мирза”: им оказался крымский знакомый Мицкевича» и др. [21, с. 303].

Эти наблюдения можно расширить. В русском переводе оказалось скрыто еще одно весьма существенное изменение польского текста в персидском, которое не мог отметить исследователь, не знакомый с фарси: «Непрестанно видно пламя пожара городских стен *Цареграда*» — в персидском оригинале упоминается вовсе не *Цареград*, а *Исламбур* (= Стамбул)!¹⁷.

Перечисленные элементы деформации можно отнести к первой категории трудностей объективного характера: отсутствие в персидской поэзии начала XIX в. возможностей для адекватного отображения в переводе европейской романтической литературы. К субъективным трудностям можно было бы отнести неспособность Топчи-Баши, по мнению С.С. Ланды, совладать с формой классической персидской газели для перевода сонета Мицкевича: «Необходимость в многочисленных пояснениях разрушила избранную для перевода форму газели (лирическое монорифмическое стихотворение, состоящее из 12 бейтов-двустушии с повторением первого бейта в конце) как наиболее соответствующую по формальным признакам сонету. Перевод более чем в два раза превысил оригинал. У Мицкевича 14 стихов, 105 слов. У Топчи-Баши 34 стиха, 249 слов» [21, с. 303–304].

17 Конец первого полустушия 7 бейта персидского оригинала, см.: воспроизведение литографии перевода Топчи-Баши [27, с. 51 (без сквозной пагинации в издании); с. 4 литографии, 5 строка сверху].

В данном заключении содержится сразу несколько серьезных ошибок, которые можно объяснить лишь недостаточной осведомленностью С.С. Ланды в вопросах персидской поэтики. Наряду с предвзятым отношением к Топчи-Баши-поэту¹⁸, эти ошибки создают неверное представление о несоответствии объема представленного им перевода установленному теорией и практикой объему персидской газели и о соотношении объемов польского оригинала и персидского перевода. Для начала назовем формальные признаки персидской газели, согласно определению авторитетного ираниста А. Баузани: объем «обычно не менее 5 и не более 12» бейтов, единая рифма (часто с *радифом*); «в первом бейте, называемом *матла*», полустушишия рифмуются между собой; последний бейт, называемый *макта*’, содержит подпись (*тахаллус*) автора» [39, р. 307]¹⁹.

Прежде всего отметим, что персидская газель во все периоды ее истории не знала на практике, в отличие от сонета (обычно, но не всегда, 14 строк), строгих ограничений в объеме (часто более 12 бейтов) в качестве ее важнейшего параметра. Таким образом, Топчи-Баши был в этом отношении достаточно свободен, не будучи обвиняемым в нарушении якобы установленного нормативного объема в 12 бейтов. Еще большее недоразумение возникает в связи с неверным пониманием формальных характеристик *бейта* в комментарии. С.С. Ланда называет *бейт* «двустушишем»²⁰, тогда как на самом деле *бейт* — это стихотворная строка, которая делится цезурой на

18 Помимо приведенного выше положительного мнения О.И. Сенковского о стихах Топчи-Баши, здесь можно сослаться и на впечатление А. Ходзки непосредственно от персидского перевода сонета Мицкевича: «Мирза Джафар перелагал сонет с буквального перевода на персидскую прозу. Он избрал размер стиха, согласный с природой его языка и весьма приятный на слух» (цит. по: [21, с. 307]). Конечно же, и О.И. Сенковский, и А. Ходзко состояли в дружеских отношениях с Топчи-Баши, но полностью пренебрегать мнением лиц, понимавших толк в восточной поэзии, было бы неверно.

19 Термином *радиф* (*редиф*) в поэтиках литератур Ближнего и Среднего Востока называется одно или несколько слов (соответственно — краткий или развернутый *радиф*), повторяющиеся в конце стихотворной строки после рифмы. В *касыде* и *газели*, в первом бейте, рифмуемся по полустушишиям, радиф повторяется дважды.

20 Здесь, надо сказать, С.С. Ланда оказался в плену ошибок старых отечественных (и не только отечественных!) изданий. В энциклопедических словарях и научных работах можно было, например, прочитать о фарсиязычной газели такое: «вид монорифмич. лирич. стихотворения (обычно 5–12 бейтов-двустушиший)... Рифмуется только 2-я мисра (полустушише) каждого бейта, за исключением первого бейта (матла’), где рифмуются обе мисры» [12]. Возникает очевидная бессмыслица: согласно этому описанию, получается, что **двустушише бейта** составляют два **полустушишия** (две *мисры*)!

две части, на полустишия²¹. Таким образом, разница в объемах польского оригинала и персидского перевода оказывается менее значительной, чем в подсчете С.С. Ланды: переведенный сонет единственный в книге польского поэта насчитывает более 14 строк, последняя строка поделена на реплики — 15(а) — 15(б) (ср. прием стихомифии), а газель у Топчи-Баши — 17 строк (34 полустишия, а не строки!)²².

Джафар Топчи-Баши. Персидский перевод сонета Мицкевича.

Фрагмент литографии 1826 г.

Zafar Topczy-Baszy. A Persian translation of Mickiewicz's sonnet.

A fragment of a lithographic print, 1826

21 В персидской поэтике Шамс-и Кайса (начало XIII в.) трактуется одна из формальных составляющих поэзии, согласно которой «рифмованная и метризованная речь строится из минимальных единиц-бейтов с двумя одинаковыми по размеру и ритмическому рисунку (уравновешенными) полустишиями» (интерпретацию определения поэзии в трактате см. в [36, с. 347]).

22 К сказанному следует добавить, что утверждение С.С. Ланды о газели как о стихотворении «с повторением первого бейта в конце» вызывает недоумение: что здесь имеется в виду, можно только догадываться.

Подводя итог сказанному, отметим, что стихотворный перевод Топчи-Баши соответствует требованиям сочинения персидской *газели*. Объем 17 *бейтов* больше «обычного», по формулировке А. Баузани, объема, но был увеличен, чтобы полнее соответствовать объему сонета Мицкевича, и — главное — допускается регламентом; первый *бейт* рифмуется по полустилишам, последующие *бейты* рифмуются по вторым полустилишам; сонет снабжен *радифом* — в первом *бейте* в конце каждого полустилиша, в последующих *бейтах* — в конце вторых полустилишей. Единственное отклонение — отсутствие *тахаллуса*, но в случае с персидским переводом сонета вполне объяснимое: упоминание имени Мицкевича, «подписи автора», в последнем *бейте газели* выглядело бы слишком неестественно в переводе европейского сонета.

Чудесные превращения первого перевода европейского стихотворения на персидский язык на этом не закончились. Выше говорилось о том, что подстрочный перевод сонета Мицкевича с польского на персидский, послуживший основой для стихотворного перевода, был выполнен А. Ходзкой. Почти одновременно с выходом «Сонетов» в свет с добавлением к ним позднее персидского перевода «Ходзко сделал новый “подстрочник”, на сей раз с персидского на польский, — пишет С.С. Ланда. — Персидское “сочинение” Топчи-Баши показалось Ходзке недостаточно “восточным”, и он усилил краски местного колорита, дополняя перевод собственными вычурными построениями. Вместе с тем Ходзко заменил в отдельных случаях малопонятные для европейского читателя образы или выражения»: «Для описания высоты горы Ходзко превратил — не без тяготения к поэтической красоты — “быстроходного верблюда” в “льва, царя быстроногих”, а баснословную птицу Онку, часто встречающуюся в персидской поэзии, в том числе у Гафиза... в “орла, вождя быстрокрылых”» [21, с. 306].

3

О переводе крымского сонета Мицкевича с польского на персидский и с персидского на русский и в обратном переводе с персидского на польский язык сказано достаточно. Как и во время подготовки и издания немецким поэтом «Западно-восточного дивана», автора «Крымских сонетов» и персидского переводчика окружали весьма компетентные специалисты по языкам, культуре и литературе Востока. Тем не менее переводы и созданные

в атмосфере ориентализма произведения на европейских и на восточном языке, как мы пытались показать, едва ли можно признать тождественными, если использовать определение Гёте, «духу Востока» или же «духу Запада».

В начале статьи был поднят вопрос о необходимости рассматривать взаимодействие Запад — Восток в обоих направлениях. После обзора западно-восточного литературного взаимодействия по вектору Запад → Восток обратимся к вектору Восток → Запад. В работах отечественных ориенталистов обстоятельно описан процесс проникновения в страны Востока в XVII–XIX вв. западных литератур; их выводы нашли концентрированное выражение в соответствующих разделах нескольких томов «Истории всемирной литературы» и в полной мере учитываются в настоящей статье. Эти обстоятельства позволяют нам обойтись без подробного освещения данного вопроса и сконцентрировать внимание на нескольких важных аспектах. Прежде всего речь идет о характеристике стадияльно-типологических особенностей литератур Востока в первой половине XIX в. Наиболее развитые восточные литературы сохраняли тогда в целом характерные для позднего Средневековья принципы творчества и жанровую систему. Однако в результате духовной экспансии стран Запада на Востоке появлялись новые формы интеллектуальной деятельности (публицистика, драматургия), которые сосуществовали с традиционными литературными видами и жанрами [32, с. 10]. Здесь встает вопрос, который естественно возникает в связи с интересом Европы в это время к средневековой восточной литературе: воспринимались ли классические средневековые произведения арабских и фарсиязычных авторов как вполне адекватно передающие восточный «дух» и отвечающие на актуальные запросы времени на самом Востоке в начале XIX в., возможно ли было в тот период создавать новые произведения, оставаясь в пределах средневековой традиции без ее переосмысления?

Итак, обратимся к вектору Восток → Запад в тот же период первой половины XIX в., уделяя внимание тому региону, который представлял особый интерес для Гёте, — Ближнему Востоку.

В первой половине XIX в. отмечается повышение интереса Востока к Западу и, в частности, арабских стран к Европе, что справедливо объясняют в первую очередь политическими и социально-экономическими причинами. Столкновение с динамично развивавшимся Западом (например, такое

значительное событие, как экспедиция Бонапарта в 1796–1801 гг. в Египет) имело для Востока важнейшие последствия, ускорив процессы, проходившие или только намечавшиеся в недрах восточного общества, создало новые условия, в которых осуществлялись культурные и — уже — литературные контакты двух регионов.

К началу XIX в. отставание в темпах развития было очевидно дальновидным политическим деятелям мусульманского Востока. Осознавая отставание Востока от Запада по темпам технического и научного прогресса, восточные правители способствовали расширению контактов с европейцами: многие египтяне, например, направлялись за границу для учебы и совершенствования знаний. Один из них, шейх Рифа'а Рафи' ат-Тахтави (1801–1873), находился с этой целью во Франции в 1826–1831 гг. Результатом пребывания в Европе стал труд «Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа» (опубликован в 1834 г.), свидетельствующий об осознании ат-Тахтави необходимости интенсификации диалога с Европой. Решению этой задачи была во многом посвящена деятельность возглавлявшейся шейхом с 1837 г. египетской «Школы языков», занимавшейся в числе прочего и переводами европейской литературы²³.

Оживление переводческой деятельности, внимание к ее практическим и теоретическим аспектам, естественно, происходило с учетом арабских условий. Переводы иноязычной литературы становились переводами-переосмыслениями, переложениями, кропотливыми переработками в духе местной культуры [16, с. 372–374; см. также: 23, с. 23–26]. Доминантой отношения к переводимым европейским произведениям оставался прагматический интерес; пропаганда идей французских просветителей (Вольтера, Руссо, Монтескье) могла, по убеждению активных участников переводческого движения, всемерно способствовать прогрессу Египта и других восточных стран [31, с. 137–138].

Вместе с тем необходимо отметить, что собственно художественная литература интересовала их в ту пору еще очень мало. Обращаясь к французской духовной культуре XVII–XVIII вв., в которой ат-Тахтави, например, не без основания видел один из истоков прогресса Европы в конце XVIII — начале XIX вв., египтянин остается равнодушен к своим современникам Ла-

23 С 1833 по 1849 г. египтяне познакомились в переводах с 17 трудами европейских авторов по истории, философии, географии [23, с. 23].

мартину (1790–1869) и Гюго (1802–1885), о которых он не мог не слышать, находясь в 1826–1831 гг. в Париже²⁴. Другой крупный арабский писатель XIX в. аш-Шидйак (ок. 1804 – 1887), также продолжительное время находившийся во Франции в 50-х гг. XIX в., в своей книге «Шаг за шагом вслед за ал-Фарйаком» (1855) с большой симпатией говорит о «величайшем из французских поэтов нашего века» Ламартине и о «великом поэте» Шатобриане (1768–1848), но ограничивается арабским переводом коротких прозаических отрывков из «Путешествия на Восток» («Voyage en Orient», 1835) Ламартина и «Путешествия в Америку» («Voyage en Amérique», 1827) Шатобриана [37, с. 27–28, 378–379 (прим. 40–50)]. Европейские поэты первой половины XIX столетия не воспринимались египетским шейхом как объекты просветительски-прагматического интереса, а в художественно-идеологическом аспекте и вовсе были чужды его сознанию; их время в арабских странах придет почти через век, в начале XX столетия.

Можно сделать и более широкие обобщения. Отдавая должное Гёте и другим европейским энтузиастам изучения и освоения культуры Востока, следует тем не менее быть крайне осторожным в оценке результатов освоения ими «духа» средневекового Востока. Во-первых, при стадийно-типологической несовместимости европейского ориентализма со средневековым нормативным традиционалистским типом художественного мышления восточных авторов и при том объеме и качестве знаний о Востоке, которыми располагала Европа, едва ли было бы правомерно говорить о возможности полноценного «синтеза» литературных традиций Запада и Востока в первой половине XIX в. Во-вторых, также невозможно говорить о прямом контакте европейской литературы начала XIX в. с современной ей литературой Востока в плане тождественного перевода и воспроизведения европейских произведений.

В первой половине XIX в. художественная практика Запада и Востока, как убедительно продемонстрировано в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях, характеризовалась существенными стадийно-типологическими расхождениями, особенно заметными на фоне «явственной тенденции к синхронизации литературного процесса», «рас-

24 Этот факт тем значительнее, что в «Описании Парижа» ат-Тахтави приводит в своем переводе с французского на арабский несколько стихов второстепенных современных авторов [23, с. 61–63, 249 (прим. 65)].

пространения мировых идейно-художественных феноменов» в странах Западной Европы, России и Америки в это же время [32, с. 11–12]. Стимулы взаимного интереса в векторах Запад → Восток, Восток → Запад были разными, в известном смысле противоположными. Европейские авторы искали вдохновения в художественных достижениях восточного Средневековья, в то время как восточные литераторы, находившиеся практически полностью в лоне позднесредневековой традиции, обращались к творчеству европейских просветителей XVIII в. Взаимодействие двух больших регионов происходило, но различие стадияльно-типологических уровней литератур придавало ему своеобразие по отношению к литературным взаимосвязям Востока и Запада в Древности и Средневековье. Вступавшие в контакт литературные явления в обоих векторах (Запад → Восток, Восток → Запад) были отделены друг от друга значительной временной дистанцией, и именно поэтому в данном случае, вероятно, вернее было бы говорить о новом виде взаимоотношений: асинхронных литературных связях. Новизна их состояла в том, что осуществлялись они не на синхронном срезе соответствующих литератур Востока и Запада, а через посредников, в роли которых выступали не третьи литературы (классический тип посредника, хорошо известный в компаративистике [13]), а анахронические, стадияльно-типологические «субституты» самих контактировавших литератур. Тем не менее важно подчеркнуть, что движение в первой половине XIX в. шло одновременно с Запада на Восток и с Востока на Запад.

Историческая заслуга Гёте и других просвещенных европейских умов состоит в том, что наследие Востока вновь стало активным компонентом мировой культуры. Благодаря же наиболее дальновидным восточным мыслителям, литературы Востока начинают приобретать — наряду с внутрирегиональными — и межрегиональные связи, появляются признаки постепенного преодоления их бывшей обособленности от магистральных направлений мирового литературного процесса, возникают предпосылки для устранения стадияльно-типологических различий между ними и западными литературами в будущем. Тенденция синхронизации литературного процесса в странах Запада и Востока станет приобретать зримые очертания в конце XIX — первой половине XX вв.

Список литературы

- 1 *Аверинцев С.С. Гёте и Пушкин (1999) // Аверинцев С.С. Собр. соч. («Связь времён») / ред. Н.П. Аверинцева, К.Б. Сигов. Киев: Дух і літера, 2005. С. 268–284.*
- 2 *Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1835). На памятник императору Александру I. Два стихотворения мирзы Джафара Топчибашева // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. (1953–1958). М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 257–258.*
- 3 *Бертельс Е. Э. Низами, монография // Бертельс Е.Э. Избранные труды: в 5 т. (1960–1988). М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. 2: Низами и Фузули. С. 11–450.*
- 4 *Брагинский И.С. Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте // Гёте И.В. Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 572–599.*
- 5 *Вяземский П.А. Сонеты Адама Мицкевича // Московский телеграф. 1827. Ч. XIV, № 7, Отд. первое. С. 191–222.*
- 6 *Гёте И.В. Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. 896 с.*
- 7 *Гёте И.В. Статьи и примечания к лучшему уразумению «Западно-восточного дивана» (пер. А.В. Михайлова) // Гёте И.В. Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 137–345.*
- 8 *Гёте И.В. Из восточных бумаг Гёте (пер. А.В. Михайлова) // Гёте И.В. Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 369–491.*
- 9 *Измайлов Н.В. [Мицкевич в стихах Пушкина] // Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 147–173.*
- 10 *История персидской и таджикской литературы / под ред. Я. Рипки; пер. с чешского; ред. рус. изд. и автор предисл. И.С. Брагинский. М.: Прогресс, 1970. 440 с.*
- 11 *Козегартен И.Г.Л. Рецензия «Западно-восточного дивана» // Гёте И.В. Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 492–518.*
- 12 *Кондырева Н.Б. Газель // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. (1962–1978). М.: Сов. энциклопедия, 1964. Т. 2. 1056 стб.*
- 13 *Конрад Н. О литературном «посреднике» (1961) // Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 348–364.*
- 14 *Конрад Н.И. Проблемы современного сравнительного литературоведения (1959) // Запад и Восток. Статьи. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 304–331.*
- 15 *Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики (1950) // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: в 6 т. (1955–1960). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 5. С. 9–192.*

- 16 *Крачковский И.Ю.* Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера (1947) // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения: в 6 т. (1955–1960). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 3. С. 367–374.
- 17 *Крачковский И.Ю.* Ранняя история повести о Маджнуне и Лейле в арабской литературе (1946) // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения: в 6 т. (1955–1960). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 588–632.
- 18 *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы (XIX — начало XX века). М.: ГРВЛ, 1971. 794 с.
- 19 *Куделин А.Б.* Классическая арабо-испанская поэзия эпохи расцвета (конец X — середина XII в.). М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 191 с.
- 20 *Куделин А.Б.* Романический эпос о Маджнуне и его арабские корни (1996) // *Куделин А.Б.* Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 293–320.
- 21 *Ланда С.С.* Примечания // Адам Мицкевич. Сонеты / изд. подгот. С.С. Ланда. Л.: Наука, 1976. С. 301–338.
- 22 *Ланда С.С.* «Сонеты» Адама Мицкевича // Адам Мицкевич. Сонеты / изд. подгот. С.С. Ланда. Л.: Наука, 1976. С. 225–300.
- 23 *Левин З.И.* Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М.: Наука, ГРВЛ 1972. 268 с.
- 24 *Михайлов А.В.* Примечания // *Гёте И.В.* Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 713–878.
- 25 *Михайлов А.В.* Гёте и поэзия Востока // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. Вып. 2. С. 83–128.
- 26 *Михайлов А.В.* «Западно-восточный диван» Гёте: смысл и форма // *Гёте И.В.* Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 600–680.
- 27 *Мицкевич А.* Адам Мицкевич. Сонеты / изд. подгот. С.С. Ланда. Л.: Наука, 1976. 344 с.
- 28 *Низами.* Лайли и Маджнун / введение, пер. с перс. и коммент. Н.Ю. Чалисовой, М.А. Русанова. М.: РГГУ, 2008. 776 с.
- 29 *Пиотровский М.Б.* Анкă // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1 (А–К). С. 83.
- 30 *Пиотровский М.Б.* Йаджудж и Маджудж // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 119.
- 31 *Тахтави, ат-, Рифа'а Рафи'.* Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже / изд. подгот. В.Н. Кирпиченко. М.: Наука, 2009. 270 с.
- 32 *Тертерян И.А., Рифтин Б.Л.* Введение // История всемирной литературы: в 9 т. (1983–1994). М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 7–14.

- 33 Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. 312 с.
- 34 Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 576 с.
- 35 Тураев С.В. Гёте и формирование концепции мировой литературы. М.: Наука, 1989. 268 с.
- 36 Чалисова Н.Ю. Персидская поэзия на весах поэтики. Комментарий // Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. Ч. II: О науке рифмы и критике поэзии / пер. с перс., исслед. и коммент. Н.Ю. Чалисовой. С. 345–428.
- 37 Шидйак, аш-, Ахмад Фарис. Шаг за шагом вслед за ал-Фарйаком / изд. подгот. В.Н. Кирпиченко, А.Б. Куделин. М.: Наука, 2017. 408 с.
- 38 Шукуров Ш.М. Искусство средневекового Ирана (Формирование принципов избразительности). М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 248 с.
- 39 Bausani A. *Ghazal*. II. — In *Persian literature* // *The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn — EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. Vol. II (1991). P. 1033.
- 40 Bruijn de J.T.P. *Tadhkira*. — In *Persian literature* // *The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn — EI²). Leiden and London: E.J. Brill, 1960–2004. Vol. X (2000). P. 53–54.
- 41 Goethe J.W. *West-Östlicher Divan*. Stuttgart: Cottaischen Buchhandlung, 1819. 556 S.
- 42 Kalinowska I. The Sonnet, the Sequence, the Qasidah: East-West Dialogue in Adam Mickiewicz's Sonnets // *The Slavic and East European Journal*. 2001. Vol. 45, No. 4. P. 641–659.
- 43 Koropec'ki R. Orientalism in Adam Mickiewicz's Crimean Sonnets // *The Slavic and East European Journal*. 2001. Vol. 45, No. 4. P. 660–678.

References

- 1 Averintsev S.S. “Gete i Pushkin” (1999) [Goethe and Pushkin]. In: Averintsev S.S. *Sobranie sochinenii* [Collected works], ed. N.P. Averintseva, K.B. Sigiv. Kiev, Dukh i litera, 2005, pp. 268–284. (In Russ.)
- 2 Belinsky V.G. “Stat'i i retsenzii (1835). Na pamiatnik imperatoru Aleksandru I. Dva stikhotvoreniia mirzy Dzhafara Topchibasheva” [“Articles and Reviews (1835). On the Monument to the Emperor of Russia Alexander I. Two poems by mirza Dzafar Topczibasz”]. In: Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.] Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, vol. 1, pp. 257–258. (In Russ.)
- 3 Bertels Ye.E. “Nizami, monographiia” [“Nizami, a monograph”]. In: Bertels Ye.E. *Izbrannye trudy: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ., 1962, vol. 2: Nizami i Fuzuli [Nizami and Fuzuli], pp. 11–450. (In Russ.)
- 4 Braginsky I.S. “Zapadno-vostochnyi sintez v ‘Divane’ Gyote” [“A West-Eastern Synthesis in Goethe's ‘Divan’ ”]. In: Gyote I.V. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-

- östlicher Divan], comp., ed., and comm. by I.S. Braginskyi, A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 572–599. (In Russ.)
- 5 Vayzemy P.A. “Sonety Adama Mitskevicha” [Adam Mickiewicz’s Sonnets]. *Moskovskii telegraf*, 1827, part 14, no 7, sect. 1, pp. 191–222. (In Russ.)
- 6 Gyote I.V. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-östlicher Divan], comp., ed. and comm. by I.S. Braginskyi, A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988. 896 p. (In Russ.)
- 7 Gyote I.V. “Stat’i i primechaniia k luchshemu urazumeniiu ‘Zapadno-vostochnogo divana’ ” [“Articles and notes designed to assist in comprehending Goethe’s West-Eastern Divan” (trans. by A.V. Mikhailov)]. In: Gyote I.V. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-östlicher Divan], comp., ed. and comm. by I.S. Braginskyi, A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 137–345. (In Russ.)
- 8 Gyote I.V. “Iz vostochnykh bumag Gete” [“From Goethe’s Eastern papers” (transl. by A.V. Mikhailov)]. In: Gyote I.V. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-östlicher Divan], comp., ed. and comm. by I.S. Braginskyi, A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 369–491. (In Russ.)
- 9 Izmailov N.V. <“Mitskevitch v stikhakh Pushkina”> [“Mickiewicz in Pushkin’s verse”]. In: *Ocherki tvorchestva Pushkina* [Essays on Pushkin’s Creative Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 147–173. (In Russ.)
- 10 *Istoriia persidskoi i tadzhikskoi literatury* [A History of Persian and Tajik literature], ed. by Ya. Ripka, transl. from Czech; preface in Russ. by I.S. Braginskyi. Moscow, Progress Publ., 1970. 440 pp. (In Russ.)
- 11 Kosegarten J.G.L. “Retseziya ‘Zapadno-vostochnogo divana’ ” [“Kosegarten’s review of West-östlicher Divan”]. In: Gyote I.V. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-östlicher Divan], comp., ed. and comm. by I.S. Braginskyi, A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 492–518. (In Russ.)
- 12 Kondyreva N.B. “Gazel” [“Ghazal”]. In: *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia: v 9 t.* [A Concise Literary Encyclopedia: in 9 vols.]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1964, vol. 2, clmn. 1056. (In Russ.)
- 13 Konrad N.I. “O literaturnom ‘posrednike’ ” (1961) [“On a literary ‘intermedium’ ”]. In: Konrad N.I. *Zapad i Vostok. Stat’i* [The West and the East. Articles]. 2nd ed., corrected, expanded. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1972, pp. 348–364. (In Russ.)
- 14 Konrad N.I. “Problemy sovremennogo sravnitel’nogo literaturovedeniia” (1959) [“Some issues of contemporary comparative literary studies”]. In: Konrad N.I. *Zapad i Vostok. Stat’i* [The West and the East. Articles]. 2nd ed., corrected, expanded. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1972, pp. 304–331. (In Russ.)
- 15 Krachkovsky I.Yu. “Ocherki po istorii russkoi arabistiki” (1950) [“Essays on the history of the Russian Arab studies”]. In: Krachkovsky I.Yu. *Izbrannye sochineniia: v 6 t.* [Selected Works: in 6 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel’svo AN SSSR Publ., 1958, vol. 5, pp. 9–192. (In Russ.)

- 16 Krachkovsky I.Yu. "Arabskii perevod 'Istorii Petra Velikogo' i 'Istorii Karla XII, korolya Shvetsii' Voltera" (1947) ["An Arabic translation of the 'History of Peter the Great' and of the 'History of Charles XII of Sweden' by Voltaire"]. In: Krachkovsky I.Yu. *Izbrannye sochineniia: v 6 t.* [Selected Works: in 6 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, vol. 3, pp. 367–374. (In Russ.)
- 17 Krachkovsky I.Yu. "Ranniaia istoriia povesti o Madzhnune i Leile v arabskoi literature (1946)" (1946) ["An early history of Majnun and Layla story in Arabic literature"]. In: Krachkovsky I.Yu. *Izbrannye sochineniia: v 6 t.* [Selected Works: in 6 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, vol. 2, pp. 588–632. (In Russ.)
- 18 Krymsky Ah.Yu. *Istoriya novoi arabskoi literatury* [A History of New Arabic literature]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1971. 794 p. (In Russ.)
- 19 Kudelin A.B. *Klassicheskaia arabo-ispanskaia poeziia epokhi rassveta (konets X – sredina XII v.)* [The Classical Arabic-and-Spanish Poetry (the End of the 10th – Beginning of the 12th cent.)]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1973. 191 p. (In Russ.)
- 20 Kudelin A.B. "Romanicheskii epos o Madzhnune i ego arabskie korni" (1996) ["A romantic epic on Majnun and its Arabic roots"]. In: *Arabskaia literatura: poetika, stilistika, tipologiya, vzaimosvyazi* [The Arabic Literature: A Poetics, Stylistics, Typology, Connections]. Moscow, LRC Publ. House, 2003, pp. 293–320. (In Russ.)
- 21 Landa S.S. "Primechaniia" ["Notes and commentaries"]. In: *Adam Mitskevitch. Sonety* [Adam Mickiewicz. Sonnets], comp., ed., comm. by S.S. Landa. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 301–338. (In Russ.)
- 22 Landa S.S. "Sonety Adama Mitskevitcha" ["The Sonnets by Adam Mickiewicz"]. In: *Adam Mitskevitch. Sonety* [Adam Mickiewicz. Sonnets], comp., ed., comm. by S.S. Landa. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 225–300. (In Russ.)
- 23 Levin Z.I. *Razvitie osnovnykh techenii obshchestvenno-politicheskoi mysli v Sirii i Egipte (Novoe vremia)* [The development of mainstream socio-political thought in Syria and Egypt (Modern Age)]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1972. 268 p. (In Russ.)
- 24 Mikhailov A.V. "Primechaniia" ["Notes and commentaries"]. In: Gyote I.V. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-östlicher Divan], comp., ed. and comm. by I.S. Braginskyi, A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 713–878. (In Russ.)
- 25 Mikhailov A.V. "Gyote i poeziya Vostoka" ["Goethe and the poetry of the East"]. In: *Vostok–Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii.* [The East – the West. Studies. Translations. Publications]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1985, issue 2, pp. 83–128. (In Russ.)
- 26 Mikhailov A.V. "Zapadno-vostochny divan' Gete: smysl i forma" ["The West-Eastern Divan' by Goethe: its meaning and form"]. In: Gyote I.V. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-östlicher Divan], comp., ed. and comm. by I.S. Braginskyi, A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 600–680. (In Russ.)
- 27 Mitskevitch A. *Sonety* [Sonnets], comp., ed., comm. by S.S. Landa. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 344 p. (In Russ.)

- 28 Nizami. *Laili i Madzhnun* [Layla and Majnun], introd., transl. from Persian into Russian, comm. by N.Yu. Chalisova, M.A. Rusanov. Moscow, RGGU Press, 2008. 776 p. (In Russ.)
- 29 Piotrovsky M.B. "Anka" ["'Anka' "]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 t. [Myths of the peoples of the world. An encyclopedia: in 2 vols.]*, gen. ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia Publ., 1991, vol. 1, p. 83. (In Russ.)
- 30 Piotrovsky M.B. "Jadzhudzh i Madzhudzh" ["Yadjudj and Madjudj"]. In: *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. An encyclopedic dictionary]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1991, p. 119. (In Russ.)
- 31 Taḥṭāwī, Rifā'ah Rāfi'. *Izviechenie chistogo zolota iz kratkogo opisaniia Parizha, ili Dragotsennyi divan svedenii o Parizhe* [Takhliṣ al-ibriz ilā talkhiṣ Bārīz Diwān al-nafis bi-īwān Bārīs / A Paris profile...], comp., transl. from Arabic into Russian, comm. by V.N. Kirpichenko. Moscow, Nauka Publ., 2009. 270 p. (In Russ.)
- 32 Terteryan I.A., Rifting B.L. "Vvedenie" ["Introduction"]. In: *Istoriia vsemirnoi literatury: v 9 t. [A History of world literature: in 9 vols.]*. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 6, pp. 7–14. (In Russ.)
- 33 *Tipologii i vzaimosviazi literatur drevnego mira* [Typology and interconnections of the literatures of the ancient world]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1971. 312 p. (In Russ.)
- 34 *Tipologii i vzaimosviazi srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada* [Typology and interconnections of the Medieval literatures of the East and the West]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1974. 576 p. (In Russ.)
- 35 Turaev S.V. *Gete i formirovanie kontseptsii mirovoi literatury* [Goethe and the rise of conception of world literature]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 268 p. (In Russ.)
- 36 Chalisova N.Yu. "Persidskaya poeziya na vesakh poetiki. Kommentarii" ["Persian poetry on the scales of Poetics. A commentary"]. In: *Shams al-Dīn Muḥammad ibn Ḳays al-Rāzī. Svod pravil persidskoi poezii* [A Compendium of the Standards of Persian Poetry / al-Mu'djam fi ma'ayir ash'ār al-'djam]. Moscow, "Vostochnaia literatura" Publ. of the RAS, 1997, part II: On the science of rhyme and critique of poetry, transl. from Persian into Russian, stud., comm. by N.Yu. Chalisova, pp. 345–428. (In Russ.)
- 37 Shidyāq, Aḥmad Fāris. *Shag za shagom vsled za al-Fariakom* [Leg over leg, or, The turtle in the tree concerning the Fāriyāq], comp., transl. from Arabic into Russian, comm. by V.N. Kirpichenko; ed., comm. by A.B. Kudelin. Moscow, Nauka Publ., 2017. 408 p. (In Russ.)
- 38 Shukurov Sh.M. *Iskusstvo srednevekovogo Irana (Formirovanie printsipov izobrazitel'nosti)* [The Art of Medieval Iran (Shaping the principles of the pictorial)]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1989. 248 p. (In Russ.)
- 39 Bausani A. "Ghazal. II. — In Persian literature." *The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn — EF²). Leiden and London, E.J. Brill, 1960–2004, vol. II, 1991, p. 1033. (In English)

- 40 Bruijn, de, J. T. P. "Tadhkira. — In Persian literature." *The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn — EI²). Leiden and London, E.J. Brill, 1960–2004, vol. X, 2000, p. 53–54. (In English)
- 41 Goethe J.W. *West-Östlicher Divan*. Cottaischen Buchhandlung, Stuttgard, 1819, 556 S. (In German)
- 42 Kalinowska I. "The Sonnet, the Sequence, the Qasidah: East-West Dialogue in Adam Mickiewicz's Sonnets." *The Slavic and East European Journal*, 2001, vol. 45, no 4, pp. 641–659. (In English)
- 43 Koropecnyi R. "Orientalism in Adam Mickiewicz's Crimean Sonnets." *The Slavic and East European Journal*, 2001, vol. 45, no 4, pp. 660–678. (In English)